

Жизнь Пушкина

РОКОВАЯ
КРАСАВИЦА
НАТАЛИЯ
ГОНЧАРОВА

ИРИНА ОБОДОВСКАЯ
МИХАИЛ ДЕМЕНТЬЕВ

Ирина Михайловна Ободовская
Михаил Алексеевич Дементьев
Роковая красавица
Наталья Гончарова

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5014961

Роковая красавица Наталья Гончарова: Алгоритм; М.: 2012

ISBN 978-5-4438-0045-5

Аннотация

Какой она была, избранница русского гения? Пустой светской красавицей, увлеченной балами, разорывшей мужа нарядами, виновницей его гибели?.. В плену мнений света в отношении к Натальи Николаевне оказался даже Лермонтов, признавшийся, что малодушно поддаваясь враждебным влияниям, видел в ней только холодную, неприступную красавицу, но после встречи постиг обаяние ее искренности. Много лет спустя А.И. Куприн под впечатлением пушкинских писем к жене скажет: «Я хотел бы представить женщину, которую любил Пушкин, во всей полноте счастья обладания таким человеком». Мать четверых детей, глубоко религиозный человек, жена Поэта, который видел в ней «чистейшей прелести чистейший образец», «милое, чистое, доброе создание»... Ей пришлось много страдать, за свою красоту она заплатила непомерно высокую цену.

Содержание

От авторов	4
Вместе с Пушкиным	8
Семья Гончаровых. Детство Наташи	8
Встреча с Пушкиным. Замужество	42
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Михаил Дементьев, Ирина Ободовская Роковая красавица Наталья Гончарова

От авторов

Все, что связано с именем Пушкина, с его жизнью и творчеством, всегда вызывает большой интерес не только у пушкинистов, но и у широкого круга читателей. По крупицам, в течение многих десятилетий накапливаются новые данные к его биографии. В работе над творческим наследием великого поэта ученые внимательно изучают каждую строчку, каждый черновой набросок в обширных рукописях поэта. Не меньший интерес представляет и все относящееся к его биографии. Пушкин в статье о Вольтере писал: «Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради, или записка к портному об отсрочке платежа».

Тем большее значение имеют письма, вечно живые свидетели жизни ушедших людей, ярко рисующие их мысли, чувства, чаяния и надежды.

Не сохранились (хочется надеяться – еще не найдены) письма Натальи Николаевны к Пушкину. Но нами были обнаружены ее письма к брату Дмитрию Николаевичу Гончарову, написанные как при жизни поэта, так и после его смерти. В сочетании с письмами Пушкина – это драгоценный источник, который дает нам возможность узнать, как необыкновенно душевно близки были Пушкин и его жена. Выпущенные издательством «Советская Россия» наши книги «Вокруг Пушкина», «После смерти Пушкина» и «Пушкин в Ярополье» (1975—1978, 1980, 1982 гг.) вызвали большой интерес и очень быстро разошлись.

Несколько сотен изученных писем Н. Н. Пушкиной и ее родных позволили создать новый образ жены великого поэта, опровергнуть клеветнические измышления, доминировавшие до сих пор в пушкиноведении вследствие того, что большинство ученых опиралось на недостоверные источники прошлого и предвзятые «свидетельства» современников. В особенности это относится к известной монографии П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», которая в течение многих десятилетий служила основой для характеристики Н. Н. Пушкиной. Несостоятельность многих его доводов теперь доказана.

Не меньшее значение имеют и письма Натальи Николаевны к ее второму мужу Петру Петровичу Ланскому. Они раскрывают перед нами обаятельный образ молодой женщины, всю свою жизнь посвятившей воспитанию детей, и в первую

очередь – детей Пушкиных. Это так ярко, так убедительно отражено в ее письмах. Пережив страшную трагедию, она всегда несла в глубине души память о Пушкине. Любовь к нему осталась для нее священной и неповторимой.

Мы получили много писем от читателей наших книг. Академик М. П. Алексеев писал, что он радуется появлению в свет книги «После смерти Пушкина», читал ее «с чувством глубокого удовлетворения и признательности». Старейший писатель Н. П. Смирнов отмечает, что «...авторам, возможно впервые, удалось показать подлинного Пушкина-семьянина и подлинную Наталью Николаевну». Н. А. Раевский подчеркивает, что особый интерес вызвали новые данные о жене Пушкина: «Неверный образ жены поэта, который укоренился с отроческих лет, надо считать навсегда изжитым». Пушкин беззаветно, глубоко, до самой последней минуты своей жизни любил жену и завещал потомкам оправдать ее «во мнении людском». Этой задаче и посвящена предлагаемая книга.

Мы включили в нее некоторые материалы из прежних книг «Вокруг Пушкина» и «После смерти Пушкина», касающиеся Натальи Николаевны. Письма Натальи Николаевны теперь вошли в текст повествования. Расширено документальное описание детства Наташи Гончаровой, ее семьи, сватовства Пушкина, первых лет их совместной жизни и т. д. Приводится значительно большее количество, чем в предыдущих изданиях, писем и выдержек из писем Пушкина к же-

не. Они чередуются с письмами Натальи Николаевны к родственникам и в ряде мест дополняют друг друга.

Книга предназначена для широких кругов читателей. Стремление придать описываемым событиям необходимую последовательность предопределило ее структуру – хронологический порядок повествования.

Все письма в подлиннике – на французском языке, перевод их сделан И. М. Ободовской. Иногда в тексте встречаются фразы и слова, написанные по-русски. Они оставлены без изменений, чтобы письма сохранили свою колоритность и подлинность, и даны нами в разрядку.

Во многих случаях отсутствуют указания на дату и место отправления письма. Мы их определили как по его содержанию, так и по сопоставлению с другими письмами. Эти датировки заключены в скобки.

В поисках нужных для нашей литературной работы материалов на протяжении более 20 лет исследовались многие архивные фонды в государственных хранилищах, а также литературные источники прошлого, нередко совершенно забытые.

Вместе с Пушкиным

Семья Гончаровых. Детство Наташи

В тридцати верстах от Тамбова, при впадении реки Кариан в Цну, некогда находилось богатое родовое поместье Загряжских, приходившихся близкими родственниками Наталье Ивановне Гончаровой, урожденной Загряжской. Это было «одно из лучших дворянских гнезд на Тамбовщине». Большой барский дом с колоннами стоял в прекрасном старинном парке. Здесь 27 августа 1812 года родилась и была крещена в местной Знаменской церкви Наташа Гончарова, та, которой было суждено впоследствии стать женой великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Война заставила семейство Гончаровых покинуть родные места в Калужской губернии и искать убежища в Кариане. В то время отец семейства Николай Афанасьевич Гончаров служил при гражданском губернаторе в Калуге; ему удалось «не итти на ратное поле», как он говорил, и уехать в Тамбовскую губернию. Вот что писал он 30 августа 1812 года неизвестному лицу:

«Несчастливый переворот политических дел Гвропы и разгоревшаяся неожиданная война в отечестве возвели на-

конец бедствия домашних неустройств наших до той степени, которой кажется уже никакие удары судьбы превзойти не в силах. Вам известны они будут в полной мере, когда думая найти в прародительском доме семейство Ваше, с ужасом застанете лишь стены собственности прежней сделавшейся жертвой вероломных хищников и варваров, столь нагло разрушивших священной Союз с Россией! Сии надвинувшиеся громовые тучи на любезной край наш и предчувствия вящих нещастий решили меня, между страхом и надеждою за своих колеблющегося, спасти жену в то время на сносе беременную и невинных изнемогающих болезнию младенцов от когтей Тигров, соорудивших погибель вселенной.

И так для вящей осторожности назначил я дорогим сердцу моему мирным убежищем деревню шурина моего Загрязского¹, село Кареян, где они теперь все находятся с 19-го числа августа. Служба моя при Гражданском губернаторе в Калуге требуя меня налицо, заставила против воли бросить все заведения наши ибо естли б не был при нем, то по понуждению дворянства итти на ратное поле конечно бы и я не миновал участи протчих. Должностным невозможно было в таких смутных положениях получать отпуска, ибо строго запрещалось оставлять город, но выезжать лишь тогда, когда приказано будет губернатору и всей его канцелярии в случае неизбежной опасности и лишь тогда выбираться вместе с присутственными местами. Меня ж к щастию, по особен-

¹ Александр Иванович Загрязский, брат Н. И. Гончаровой.

ному препоручению, освободили выездом прежде и теперь соединился я уже с моим семейством там же в Кареяне, где ожидаем гибель или спасение. Бога ради дайте себя видеть и удостовериться тем, что имеем еще близкого сердцу нашему и истинного друга в числе живых. Все те, которые решились принять меры осторожности, отправились в Тамбовскую губернию или в самый город Тамбов; в числе последних выслал туда же сам губернатор Каверин своих детей, так как в край отдаленной от центра России, где и до сих пор все жители спокойны.

Маршрут: из Калуги на Тулу на г. Богородицк, на г. Козлов, на г. Амбур и в Тамбов, откудава всякой рассказать может дорогу в Село Знаменское, Кареян тож.

Искренней друг, по гроб

Н. Гон...в».

Полагаем, что именно Николаю Афанасьевичу было «препоручено» отвезти губернаторскую семью в Тамбов (где, кстати сказать, у Загряжских был свой дом) и он воспользовался этим, чтобы эвакуировать и своих, жену и детей.

Итак, родители Натальи Николаевны Пушкиной Николай Афанасьевич и Наталья Ивановна Гончаровы. Фамилия в те времена довольно известная. Познакомимся с ними и с их предками.

История семьи Гончаровых тесно связана со старинным

русским городом Калугой. Еще в конце XVII века в числе калужских посадских людей значились «горшешники» – Иван Дементьевич Гончаров и его сын Абрам Иванович, имевшие небольшую гончарную лавку; отсюда, по-видимому, происходит и их фамилия.

Потомок этих горшечников Афанасий Абрамович Гончаров нажил огромное состояние. Недалеко от Калуги, на реке Суходрев, он имел полотняный завод и бумажную фабрику. Петр I, создававший в те времена русский флот, широко покровительствовал Гончарову, вел с ним переписку, присылал ему мастеров из-за границы. Учитывая конъюнктуру, Гончаров расширял свои предприятия. Парусные полотна его фабрик имели большой спрос не только в России, но и за рубежом. По преданию, весь английский флот того времени ходил на «гончаровских» парусах. Особенно наживался Гончаров на войнах. По свидетельству самого Афанасия Абрамовича, на него три раза «шел золотой дождь»; так, он очень разбогател во время войны Франции и Англии за Канаду в 1756—1763 годах и позднее во время отложения Америки от Англии. Воспользовался Гончаров и возросшим спросом на бумагу – бумага его фабрики считалась лучшей в России.

Наряду с фабриками и заводами у него было 75 вотчин, то есть поместий. Состояние Гончарова оценивалось в три с половиной миллиона рублей!

В Калужском краеведческом музее сохранился до наших

дней портрет Афанасия Абрамовича. Неизвестный художник изобразил его уже в летах. В руке Афанасий Абрамович держит письмо Петра I – его письмами он очень гордился.

После смерти Петра I Елизавета продолжала покровительствовать Гончарову. Она пожаловала ему чин коллежского асессора, дававший право на потомственное дворянство.

Впоследствии, в 1789 году, Екатерина II подтвердила это право специальным указом, выданным уже внуку Афанасия Абрамовича, Афанасию Николаевичу, деду Н. Н. Пушкиной.

В конце жизни, не надеясь на то, что его потомки сохранят нажитое богатство, предусмотрительный Афанасий Абрамович решил полотняный завод и бумажную фабрику с прилегающими поместьями превратить в майорат, т. е. неделимое имение, которое должно было передаваться старшему в роде и не могло быть ни заложено, ни продано². В 1778 году такое разрешение было дано, и Афанасий Абрамович сделал соответствующее завещание. Полотняный Завод достался его старшему сыну, Николаю Афанасьевичу, а затем внуку – Афанасию Николаевичу Гончарову (1760—1832).

Но если «талантливый» Афанасий Абрамович целью своей жизни ставил нажить миллионное состояние, то внук его, Афанасий Николаевич (несомненно, названный в честь деда, но никак на него не походивший), сумел не менее «талантливо» его прожить и после смерти оставил полтора миллио-

² Все это имение стало называться Полотняным Законом.

на долгу...

Дом, построенный дедом в Полотняном Заводе и не отличавшийся изяществом архитектуры, надстраивается, богато отделывается внутри. В архиве Гончаровых сохранились описи обстановки, посуды и других вещей, в том числе упоминаются мебель, отделанная бронзой и инкрустациями, люстры фарфоровые из венецианского стекла, дорогие сервизы, фамильное серебро с инициалами Афанасия Николаевича и т. д. Небольшой гостиный гарнитур с Полотняного Завода можно видеть и сегодня в Калужском музее.

Парк расширяется, гроты, беседки, статуи украшают его тенистые аллеи. Строятся оранжереи, где выращивают даже ананасы. При конном заводе, где выводят породистых лошадей, появляется огромный великолепный манеж, на стенах которого большие медальоны с изображениями лучших рысаков. По одной стороне манежа шел балкон для гостей. Периодически там устраивались конноспортивные праздники – показы выездки лошадей, выдрессированных берейторами, которых Афанасий Николаевич приглашал даже из-за границы! Когда Александр I приезжал в Москву на коронацию, Гончаров подарил ему великолепного коня своего завода.

Пиры и празднества, иногда продолжавшиеся по месяцу и более, следовали одни за другими. В доме насчитывалось до трехсот слуг и дворовых. Зимой Гончаровы жили в Москве в собственном доме и вели такой же безрассудно-расточительный образ жизни.

Афанасий Николаевич был женат на Надежде Платоновне Мусиной-Пушкиной (1765—1835). У них был только один сын Николай, в котором они души не чаяли. Николай Афанасьевич (1787—1861) обладал незаурядными способностями: писал стихи, играл на скрипке и виолончели. Образование по тем временам он получил прекрасное. В совершенстве знал немецкий, английский и французский языки. Небезынтересно отметить, что среди французов-гувернеров был и Будри, родной брат Марата, впоследствии профессор французской словесности в Царскосельском лицее во времена Пушкина. Надо сказать, что Николай Афанасьевич, не в пример прочим Гончаровым, хорошо знал и русский язык. Впоследствии обычно он писал старшему сыну по-русски или по-французски, изредка переходя на английский язык.

Так как Николай Афанасьевич был единственным сыном, в товарищи к нему взяли сына соседних помещиков А. П. Бутенева, который и воспитывался вместе с ним. В своих воспоминаниях Бутенев говорит, что Николай Афанасьевич «был в детстве любезен и ласков, в юности имел красивую наружность, живой и любезный нрав, был добрый и любезный товарищ». Бутенев отмечает и его любовь к музыке. «Раз в неделю бывали у нас квартеты, которые исполнялись лучшими музыкантами в Москве для поощрения рано развившегося замечательного дарования к музыке в молодом Гончарове. Он был отличным музыкантом...» О нем, как о превосходном скрипаче, пишет в своих воспоминаниях и М.

Макаров.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Николай Афанасьевич был талантливым человеком. Свое необыкновенное обаяние, доброту, отзывчивость и литературные наклонности Наталья Николаевна унаследовала несомненно от отца. Недаром он так любил ее и отличал от всех остальных детей.

В 1804 году Николай Гончаров был зачислен в Коллегию иностранных дел в Петербурге. Прекрасно образованному и одаренному молодому человеку были открыты двери великосветских гостиных. Там он и встретил фрейлину Наталью Ивановну Загряжскую и влюбился в нее.

Наталья Ивановна (1785—1848) происходила из старинного дворянского рода Загряжских. Отец ее, Иван Александрович Загряжский, был женат на Александре Степановне Алексеевой, от которой имел сына Александра Ивановича и двух дочерей – Софью Ивановну, в замужестве графиню де Местр, и Екатерину Ивановну, впоследствии фрейлину императорского двора, игравшую столь заметную роль в семье Пушкиных.

Иван Александрович, блестящий офицер, служил в Петербурге в гвардии, где славился своими «необузданными выходками». Когда однажды его полк стоял в Дерпте³, он влюбился в красавицу баронессу Поссе и, по семейным преданиям, даже обвенчался с ней при живой жене и привез ее

³ Теперь Тарту.

беременную в Ярополец.

В архиве А. П. Араповой⁴ нами обнаружено письмо Натальи Николаевны к П. П. Ланскому от 29 июня 1849 года, где она пишет следующее: «...В своем письме ты говоришь о некоем Любхарде и не подозревая, что это мой дядя. Его отец должен был быть братом моей бабки – *баронессы Поссе, урожденной Любхард*. Если встретишь где-либо по дороге фамилию Левис, напиши мне об этом потому, что это отпрыски сестры моей матери. В общем, ты и шагу не можешь сделать в Лифляндии⁵, не встретив моих благородных родичей, которые не хотят нас признавать из-за бесчестья, какое им принесла моя бедная бабушка. Я все же хотела бы знать, жива ли тетушка Жаннет Левис, я знаю, что у нее была большая семья. Может быть случай представит тебе возможность с ними познакомиться».

Наталья Николаевна не точно пишет фамилию, правильно – Липхарт. Очевидно, никаких связей между Липхартами и Загряжскими не было: Наталья Николаевна не знает, что ее тетушка Жаннет Левис умерла в 1831 году.

Кто такая баронесса Поссе? В Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в Тарту имеются очень интересные сведения о Липхартах и Поссе. Эуфрози-

⁴ Арапова Александра Петровна (1845—1919) (урожд. Ланская) — дочь Натальи Николаевны от второго брака с П. П. Ланским.

⁵ Лифляндия – немецкое название Северной Латвии и Южной Эстонии (XVII – нач. XIX в.).

на Ульрика Липхарт (1761—1791), дочь богатого помещика, русского ротмистра Карла Липхарта, и Маргарет фон Витингхофф, вышла замуж в 1778 году в Тарту за барона Мориса фон Поссе, владельца имения Выйду в Лифляндии. От этого брака была дочь («сестра моей матери тетушка Жаннет»). Супруги развелись 28 января 1782 года. Уезжая в Россию, Ульрика Поссе оставила в Лифляндии дочь Жаннет. О ней тоже есть сведения в архиве Тарту.

Существовало предположение, что Ульрика Поссе – француженка. Теперь мы знаем, кто были ее родители. Не был французом и ее муж Морис Поссе, он был шведского происхождения, предки его еще в XVII веке поселились в Эстонии (тогда Эстляндии).

По семейным преданиям, Ульрика Поссе была поразительно красива. А. П. Арапова в своих воспоминаниях рассказывает, что у Екатерины Ивановны был ее портрет. Однажды, когда в Зимнем дворце случился пожар, вбежавший в комнату фрейлины Загряжской офицер счел самой ценной вещь оправленную в скромную черепаховую рамку миниатюру с изображением необыкновенной красавицы. В дворцовой конторе выразили удивление, почему именно этот «маленький ничтожный предмет» спас офицер. «Да взгляните хорошенько, – сказал он, – и вы поймете тогда, что я не мог оставить изображение такой редкой красавицы в добычу огню!» Впоследствии эта миниатюра перешла к Наталье Ивановне (где она сейчас – не известно). Помнившие Ульри-

ку говорили Наталье Ивановне, что хотя она и очень хороша собою, но сравниться с матерью не может. Не от бабки ли своей унаследовала эту изумительную красоту Наталья Николаевна?

А. П. Арапова так описывает появление Ульрики Поссе в России. Семья Ивана Александровича Загряжского – жена, сын и две дочери – по-видимому, жила в Яропольце. И вот туда-то, к первой жене, и привез из Дерпта Загряжский красавицу Ульрику и «представил обманутую жену законной супруге». Последовала душераздирающая сцена. Загряжский тут же приказал перепрячь лошадей и ускакал в Москву!

Александра Степановна, которая была много старше, оказалась женщиной великодушной (Загряжский, очевидно, знал, что делал), она поняла всю глубину трагедии Ульрики и приняла ее и родившуюся вскоре дочь Наталью в свою семью. Полагаем, что в основном все это соответствует действительности, так как А. П. Арапова, несомненно, неоднократно слышала от матери и Гончаровых историю своей прабабки.

Забегая вперед, скажем здесь, что, несмотря на всю экстравагантность своего поведения, Иван Александрович все же счел неудобным жить с двумя женами и поселился в Москве. В книге С. П. Жихарева «Записки современника» есть такие строки: «Услышав поутру о приезде Ивана Александровича Загряжского... я тотчас же отправился к нему и, к великой радости моей, застал его дома. Все семейство

его, два сына и три дочери, находятся в Петербурге, а он живет на холостую ногу и, кажется, не упускает случая повеселиться. Он по-прежнему окружен пышностью и не изменяет своим привычкам, приобретенным в штабе князя Потемкина, которого был он из первых любимцев и ежедневных собеседников». В дальнейшем Жихарев не раз упоминает о своих визитах к Загряжскому. Умер Иван Александрович в 1807 году. Каковы были его взаимоотношения с семьей – не известно.

По-видимому, Ульрика осталась в Яропольце. Тяжелое положение в чужой стране сделало свое дело, и в возрасте всего 30 лет она умерла, «зачахла, как цветок», говорит А. П. Арапова, оставив маленькую дочь Александре Степановне. Эта прекрасная женщина сумела внушить несчастной девочке глубокую любовь к себе. Впоследствии Наталья Ивановна писала однажды Афанасию Николаевичу, чтобы он прислал ей образ Тихвинской Божьей Матери старинного письма в золотом окладе, «которым матушка Александра Степановна меня при смерти своей благословила».

Ульрика Поссе-Загряжская умерла в 1791 году, следовательно, Наталье Ивановне, которая родилась в 1785 году, было тогда уже 6 лет; она могла помнить мать. Не известно, жила ли все это время Ульрика в Яропольце, но если да, то, надо полагать, она похоронена в Иосифо-Волоколамском монастыре. Все это проливает свет на необыкновенную привязанность Натальи Ивановны к Яропольцу: там прошло ее

детство, там потеряла она мать.

После смерти «чужестранки» Александра Степановна, по словам Араповой, при помощи своей влиятельной родни «приложила все старания, чтобы узаконить рождение Натальи, оградив все ее наследственные права».

Когда дочери подросли, Александра Степановна переехала в Петербург, под покровительство «всемогущей» Н. К. Загряжской.

Наталья Кирилловна Загряжская, урожденная графиня Разумовская (1744—1837), была замужем за Николаем Александровичем Загряжским, родным братом Ивана Александровича, т. е. приходилась теткой по мужу сестрам Софье, Екатерине и Наталье. Она занимала высокое положение при дворе. «Кавалерственная дама ордена св. Екатерины, еще со времен Павла I она пользовалась большим весом и значением в придворных и светских кругах Петербурга благодаря своему уму, сильному характеру и живости своего нрава, отзывчивого на все явления жизни».

Наталья Ивановна, как и ее сестры, была принята во фрейлины к императрице Елизавете Алексеевне, жене Александра I. С ранней юности она блистала необыкновенной красотой при петербургском дворе. Там в нее влюбился кавалергард А. Я. Охотников, фаворит императрицы. От Охотникова у императрицы была дочь (родилась в 1806 г., умерла в 1808 г.). В октябре 1806 года человек, подсланный якобы великим князем Константином Павловичем, смертельно ра-

нил Охотникова при выходе из театра, и в январе 1807 года он умер.

Возможно, чтобы замаять всю эту историю, Наталью Ивановну спешно выдали замуж за Николая Афанасьевича Гончарова. Сын владельца знаменитых Полотняных Заводов в Калужской губернии, прекрасно образованный, красавец собою, Николай Афанасьевич был хорошей партией, хотя уже и в те времена дела Гончаровых были подорваны безрассудной расточительностью отца – Афанасия Николаевича.

Венчание фрейлин обычно совершалось во дворцовой церкви. Известно, что во дворцах тогда велся так называемый камер-фурьерский журнал, где дежурный придворный делал записи о повседневной жизни царствующих особ. И вот недавно в Ленинграде в архиве была найдена запись в камер-фурьерском журнале дворца императрицы Марии Федоровны, матери Александра I, датированная 27 января 1807 года. В ней подробно описывается бракосочетание Натальи Ивановны и Николая Афанасьевича.⁶

На венчании присутствовала вся царская фамилия: император Александр I, императрица Елизавета Алексеевна, вдовствующая императрица Мария Федоровна (жена Павла I), великие князья Николай и Михаил, великие княжны Екатерина и Анна.

А состав посаженных отцов и матерей! Посаженный отец

⁶ Выдержка из камер-фурьерского журнала любезно предоставлена авторам Всесоюзным музеем А. С. Пушкина.

Николая Афанасьевича тайный советник граф Петр Кириллович Разумовский, брат Натальи Кирилловны Загряжской; посаженная мать – княгиня Наталья Петровна Голицына, урожденная графиня Чернышева. Посаженный отец Натальи Ивановны – обер-шенк Николай Александрович Загряжский, муж Натальи Кирилловны; посаженная мать – княгиня Варвара Александровна Шаховская.

Перед венчанием Наталья Ивановна была «препровождена во внутренние покои к государыне императрице Марии Федоровне, где от ее величества и убираема была бриллиантовыми к венцу наколками».

Столь пышная свадьба вызывает удивление. Вообще здесь много неясного. Было ли все это организовано Н. К. Загряжской или царская фамилия имела свои причины (эпизод с Охотниковым) показать, что Наталья Ивановна по-прежнему пользуется ее благоволением, – сказать трудно. Но несколько удивляет конец этой записи: «А новобрачные между тем от подъезда что под фонариком отъехали к себе домой». Спрашивается, зачем об этом писать в камер-фурьерском журнале? Очевидно, это имело свое значение. Уехали не с главного подъезда, а с бокового...

В 1808 году, получив чин коллежского асессора, Николай Афанасьевич перевелся в Москву и поступил на должность секретаря к московскому губернатору. Вероятно, переезд молодых был вызван необходимостью быть поближе к Полотняному Заводу, где «хозяйничал» Афанасий Никола-

евич.

К тому времени давно начавшийся разлад между родителями Николая Афанасьевича достиг решающей фазы: они разъехались. Хотя дела Афанасия Николаевича уже сильно пришли в упадок, он не оставлял своих привычек и продолжал вести расточительную жизнь. Надежда Платоновна долго сдерживала сумасбродства своего супруга, но в конце концов не выдержала: в 1808 году уехала с Полотняного Завода и поселилась в собственном доме в Москве. Впоследствии Афанасий Николаевич выделил ей отдельный капитал в 200 тысяч рублей и таким образом навсегда отделался от мешавшей ему жены.

Вскоре Афанасий Николаевич уехал надолго «жуировать» за границу, оставив сыну доверенность на управление всеми предприятиями. Николай Афанасьевич, видимо обладавший энергией и деловитостью своего прадеда, сумел за время отсутствия отца значительно поправить дела, высылая Афанасию Николаевичу большие суммы и тем удерживая его за границей. В 1811 году он был награжден орденом Владимира IV степени «за приведение к должному устройству и усовершенствованию состоящие в Калужской губернии фабрики полотняной и писчей бумаги».

Но тут грянула война 1812 года. Французы близко подошли к гончаровским владениям. В Полотняном Заводе некоторое время стоял со своим штабом сам фельдмаршал Кутузов. Комнаты, в которых он жил, потом назывались «куту-

зовскими». Неприятель до Полотняного Завода не дошел, а при отступлении под Малоярославцем наполеоновские войска были наголову разбиты.

Афанасий Николаевич в самом начале войны сумел пробраться через границу и вернулся в Завод. И не один. Он привез с собой любовницу – *madam Babette*, тем самым чрезвычайно осложнив семейные отношения.

Семья Гончаровых пробыла в Кариане до августа 1813 года, но Николай Афанасьевич за это время неоднократно бывал в Полотняном Заводе, учитывая необходимость возобновить работы на фабриках. Видимо, в 1813 и 1814 годах отец и сын ведали делами совместно, во всяком случае имеются документы за эти годы, подписанные ими обоими. Николай Афанасьевич ездит по поручениям отца в Калугу, Москву и Петербург.

К детям нанимаются иностранные гувернеры и гувернантки, учителя музыки. В одном из писем Николай Афанасьевич передает им приветы, сообщает Наталье Ивановне, что послал в Завод настройщика. «Друг мой Ташок» называет он жену...

Но атмосфера в доме складывается нетерпимая. Старик требует оказывать все знаки внимания мадам Бабетт (которую домашние звали «парижской прачкой») как хозяйке дома. Несомненно, Николай Афанасьевич пытался удержать отца от бесхозяйственности и расточительства, но безуспешно. В начале 1815 года Афанасий Николаевич совсем отстра-

няет сына от управления делами, стремясь бесконтрольно распоряжаться доходами.

Молодые Гончаровы переезжают в Москву, оставив в Полотняном Заводе маленькую Ташу, любимицу Афанасия Николаевича. Дед в ней души не чаял и, по словам Араповой, страшно баловал. По-видимому, девочка прожила там года два-три, окруженная всяческими заботами. Надо полагать, именно здесь была к ней приставлена, помимо других, и гувернантка – англичанка мисс Томсон, которую она очень полюбила. Впоследствии, в 1849 году, Наталья Николаевна написала ей за границу письмо и сама удивлялась, что не забыла язык, следовательно, так хорошо его знала с детства.

В этот период, очевидно, писался и приводимый нами портрет маленькой Таши неизвестного художника-любителя, на котором изображена девочка лет пяти, с коротко стриженными волосами, с недетски серьезным лицом.

В Москве Гончаровы жили в собственном доме на Никитской улице⁷. Сохранился рисунок дома, сделанный А. П. Васнецовым в 1880-х гг. Большая усадьба с барским домом и флигелями (все постройки деревянные) занимала чуть ли не целый квартал между Большой и Малой Никитскими, вдоль Скарятинского переулка. Вероятно, при усадьбе был и небольшой сад. В доме на Никитской много раз бывал Пушкин, а в одном из писем к жене он пишет, что живет на антресолях гончаровского дома.

⁷ Теперь ул. Герцена. Дом не сохранился.

К концу 1814 года обычно относят начало болезни Николая Афанасьевича, сведения о которой очень противоречивы. Семья приписывала причину ее падению с лошади, говорили о наследственности со стороны матери. Впоследствии его считали «повредившимся в уме». В известной степени закреплению подобной версии способствовали и «воспоминания» Араповой: она рисует его состояние в весьма мрачных красках.

Но в наше время, еще в 1936 году, сомнение в его психическом заболевании высказала Т. Волкова, которая писала, что «факты, сообщаемые А. П. Араповой, мало достоверны, ничем не доказаны. У нас нет никаких оснований думать, что дело происходило именно так, как она описывает. По-видимому, обычно он был тих и спокоен, даже мог заниматься делами, и припадки болезни находили на него временами».

Был ли Николай Афанасьевич действительно психически ненормальным, как это упорно приписывала ему семья? В свете недавно обнаруженных нами писем Натальи Ивановны создается совсем иное впечатление о его болезни. Он попросту пил. Несомненно, толчком к тому послужил разрыв с отцом. После напряженной активной деятельности по управлению многочисленными гончаровскими предприятиями, принесшей такие хорошие результаты, он вдруг оказался не у дел и сознавал, что гибнет все сделанное им, а семье предстоит полное разорение. И был прав: Афанасий Николаевич оставил своим потомкам «в наследство» полтора мил-

лиона долга!

В связи с новыми данными о болезни Николая Афанасьевича невольно напрашивается пересмотр вопроса и о «наследственности» со стороны матери, Надежды Платоновны. Не была ли и она признана ненормальной своим супругом Афанасием Николаевичем, стремившимся избавиться от нее? Высказать такое предположение вполне правомерно. А Николай Афанасьевич, по-видимому, очень тепло относился к матери, нередко посещал ее в Москве.

Удалив сына, Афанасий Николаевич, однако, в первые годы прилично обеспечивал его семью. Он сдал в аренду некоему Усачеву одну из полотняных фабрик, с обязательством выплачивать ежегодно семье Николая Афанасьевича на содержание и воспитание детей 40 тысяч рублей. Обстановка в доме на Никитской была тяжелой. Николай Афанасьевич иногда пил запоем и в это время действительно находился в буйном состоянии. Дети боялись отца, и поэтому его поселили с обслуживающим его слугой в отдельном флигеле гончаровского дома.

Наталья Ивановна неоднократно жалуется свекру, что муж пьет. «Все его расстройство происходит лишь от большого употребления вина, – пишет она 7 января 1819 года, – как он сам мне в оном признался, что выпивал до семи стаканов простого вина». Однако, очевидно, бывали длительные периоды просветления, когда жизнь шла в более или менее нормальном русле. Так, в августе 1817 года супруги по сове-

ту врача ездили на «Нащокинские воды»⁸, о чем пишет отцу сам Николай Афанасьевич, упоминая, что с собой они возьмут «одну Ташеньку». Но воды ему не понравились, и они вскоре вернулись домой.

«Николай Афанасьевич кажется стал лучше, – пишет Наталья Ивановна свекру 27 февраля 1818 года, – заходит в детскую, на Ташины проказы иногда улыбается».

По-прежнему Николай Афанасьевич любил музыку и до конца своих дней играл на скрипке. В одном из писем он жалуется, что ему не дают денег на струны для инструмента. Денег ему действительно на руки не давали, опасаясь, что он пошлет слугу за вином.

В 1815 году в семье родился сын Сергей, а в 1818-м дочь Софья; последняя прожила недолго и в том же году умерла.

Афанасий Николаевич, очевидно, временами все же чувствовал угрызения совести и как-то старался загладить свое отношение к сыну. Так, в мае 1817 года он послал ему в подарок перстень. Николай Афанасьевич писал в связи с этим:

«Милостивый Государь Батюшка Афанасий Николаевич, приношу вам мою благодарность за присланный мне через Наталью Ивановну перстень с портретом прадедушки Афанасия Абрамовича. – Я принял его с должной признательностью. – Чувствуя по недостойнству моему, что не заслуживаю я от вас такого внимания и памяти вашей обо мне, поз-

⁸ «Нащокинские воды» – водолечебное заведение в Серпуховском уезде, принадлежавшее троюродному брату П. В. Нащокина.

вольте мне подарить его Митиньке, которой надеюсь с возрастом своим будет достойнее иметь такой памятник и лутче меня заслужит звание достойного потомка фамилии Гончаровых. — Ожидая вашего на то позволения или позволения отдать его под сохранение Наталье Ивановне, пребыть честь имею

Покорной ваш сын, уничтоженная тварь

Николай Г...ров».

Грустные, печальные слова. Видимо, Николай Афанасьевич смирился со своей участью, но в письме звучит и горький упрек отцу, доведшему его до этого состояния. Уничтоженная тварь... Сколько трагизма в этих словах, сколько сознания своего бессилия что-либо изменить...

Письма Николая Афанасьевича к отцу (как впоследствии и к старшему сыну Дмитрию) вполне нормальны. Они свидетельствуют о том, как тяжело он переживал свое положение. Создается впечатление, что семья — сначала Афанасий Николаевич, а потом, возможно, и Дмитрий Николаевич — сознательно стремились признать его сумасшедшим, чтобы не было с его стороны никаких поползновений вернуться к делам майората. К нему приглашались врачи и разные должностные лица, но никаких отклонений в его психике они не находили.

Но вернемся к 1832 году. Не по возрасту разгульная жизнь Афанасия Николаевича привела его к печальному концу — 8

сентября он скоропостижно умер.

Можно себе представить волнения всех членов семьи Гончаровых. Братья повезли тело старика в Москву, где, вероятно, ненадолго остановились. В каком состоянии был в это время Николай Афанасьевич, простился ли он с отцом в Москве или поехал в Полотняный Завод – мы не знаем. Что касается Натальи Ивановны, то она, несомненно, принимала участие в похоронах, осталась в Заводе и после даже, судя по письмам, «управляла делами» в течение некоторого времени, пока Дмитрий Николаевич оформлял опекунов над больным отцом. Полагаем, что она хотела лично убедиться, в каком положении дела майората.

Оформление документов заняло много времени. Потребовалась доверенность от всех членов семьи, в том числе и от Натальи Николаевны.

Забегая вперед, скажем, что Пушкин также выехал в Москву вслед за Гончаровыми – о том свидетельствуют его письма. В одном из них он просил жену срочно выслать доверенность, которая доставила много хлопот Наталье Николаевне и тетушке Загряжской. («К тебе пришлют для подписания доверенность. Катерина Ивановна научит тебя, как со всем этим поступить»⁹.)

Сохранилось найденное нами письмо Натальи Николаевны к брату Дмитрию от 31 октября того же года, в котором

⁹ Здесь и далее письма Пушкина и выдержки из них приводятся по Поли. собр. соч. А. С. Пушкина в 16 т., 1937—1949.

она сообщает об этой доверенности и о результатах хлопот родственников в Петербурге.

Но в столице не оказалось никаких документов, свидетельствующих о болезни Николая Афанасьевича Гончарова.

Ни в Петербурге, ни в Калуге не согласились выдать нужные Дмитрию Николаевичу документы. Но интересно: почему Калуга? Не свидетельствует ли это о том, что еще в период проживания молодых Гончаровых в Полотняном Заводе к Николаю Афанасьевичу приглашались калужские врачи, очевидно отказавшиеся признать его душевнобольным? Значит, уже тогда он начал пить и это послужило причиной их отъезда в Москву. Об этом говорит и Арапова: «Болезнь Николая Афанасьевича вызвала переселение всей семьи в Москву, в собственный дом, на Никитской».

После смерти главы семейства настойчивые хлопоты Дмитрия Николаевича в конце концов увенчались успехом, и он встал во главе гончаровского майората. Ему было тогда 24 года.

А Наталья Ивановна, что стало с ней, некогда красавицей, фрейлиной петербургского двора? Уже давно так повелось, что эту женщину рисуют только черными красками. Вряд ли это в полной мере справедливо.

Мы ни в коем случае не хотим оправдывать Наталью Ивановну, слов нет, она не вызывает симпатии, но и у нее были свои хорошие стороны. Посмотрим без предвзятости, какой была ее жизнь.

Наталье Ивановне исполнилось 29 лет, когда на ее плечи легла забота о больном муже и большой семье. Нет сомнения, что горе отложило отпечаток на ее характере – она ожесточилась. Суровая и властная, неуравновешенная и несдержанная – такой рисуется нам она по письмам Пушкина и свидетельствам современников. Наталья Ивановна ищет утешения и забвения в религии, долгие часы проводит в домашней молельне.

Нам кажется, что это была очень несчастная женщина. Вспомним ее незаконное происхождение, которое, конечно, отложило свой отпечаток на ее детство и юность. Впоследствии сводные сестры Софья и Екатерина, очевидно, делали попытки лишить ее наследства после смерти брата Александра Ивановича и дяди Николая Александровича Загрязских. В одном из писем Наталья Ивановна жаловалась сыну Дмитрию, что ее родственные отношения с сестрами были нарушены из-за денежных расчетов:

«Поистине тяжело и горько быть несправедливо осужденной своими самыми близкими людьми, особенно теми, с кем прошло детство и юность, казалось бы, эти первые узы дружбы сестер должны остаться неразрывными, так как были завязаны в лета, когда всякое притворство исключается, когда сердца и нравы искренни и правдивы, и однако корыстные расчеты меняют все – печальная действительность, вот что мне остается. Единственное удовлетворение, которое я могу противопоставить недоброжелательству, ничем не вы-

званному с моей стороны, это полное спокойствие моей совести, да будет бог тому судья».

Трудно сказать, насколько справедливы эти упреки в адрес Софьи Ивановны и Екатерины Ивановны, но весьма вероятно, что в данном случае сестры объединились против Натальи Ивановны, считая ее не совсем законной наследницей.

Далее, какая-то история с Охотниковым в Петербурге. Что было там, какую роль играла Наталья Ивановна? Обо всем этом мы почти ничего не знаем. Думаем, однако, что за Николая Афанасьевича она шла по любви, а он несомненно очень любил ее. Возможно, счастливыми были первые годы жизни в Петербурге и короткий период в начале замужества, и больше, пожалуй, ничего светлого в ее молодости не было... После заболевания мужа – а алкоголизм – это тоже болезнь – отношения супругов испортились. Наталья Ивановна неоднократно жалуется в своих письмах к свекру на его враждебность в периоды запоя. Но в остальное время отношения супругов, видимо, были нормальными. Наталья Ивановна пишет свекру, что навещает мужа в его флигеле каждый вечер. Иногда Николай Афанасьевич ездил к отцу в Полотняный Завод, обычно летом, а семья жила тогда в рязанском поместье Ильицыно.

Дети. Их было шестеро: три сына – Дмитрий, Иван и Сергей и три дочери – Екатерина, Александра и Наталья, если не считать маленькую Софью, как мы уже говорили, вскоре

после рождения умершую. (Не были ли названы две дочери в честь сестер Натальи Ивановны, Екатерины и Софьи? Полагаем, что да.)

Шли годы, дети подрастали. Следует отдать должное Наталье Ивановне: она делала все, что могла, чтобы дать им хорошее образование. Маленькой Таше было лет пять-шесть, когда она приехала с Завода в родительский дом. По словам Араповой, девочку привезли в собольей шубке. Наталья Ивановна выразила свое недовольство: «Это преступление приучать ребенка к неслыханной роскоши», – сказала она, и дорогую шубку переделали в «палатинки» и муфты для всех трех сестер. «Но дедушкино баловство ничуть не отразилось на мягком характере ребенка. Она безропотно подчинилась суровому режиму, заведенному в доме, и впоследствии выносила его гораздо легче старших сестер», – заключает Арапова.

В доме Гончаровых живут гувернантки и гувернеры-иностранцы, приглашаются учителя по разным предметам. В архиве сохранились толстые подшивки ученических тетрадей детей, свидетельствующие о том, что они достаточно подробно изучали историю (русскую и всеобщую), географию, русский язык и литературу, мифологию и т. д. Нечего и говорить об иностранных языках – немецкий, английский и особенно французский они знали очень хорошо. Когда старший сын Дмитрий заканчивал университет, к нему для подготовки к экзаменам приглашались профессора. Иван и Сергей окон-

чили частные пансионаты.

Афанасий Николаевич, как мы упоминали, первое время давал семье сына 40 тысяч рублей в год, но потом стремился уменьшить эту сумму. Наталья Ивановна писала свекру, что это невозможно, так как только образование детей стоит не меньше 15 тысяч.

До сих пор принято было считать, что Наталья Николаевна и ее сестры получили очень скромное домашнее образование. Знание французского языка, танцы, музыка и регулярное посещение церковных служб – этим обычно тогда ограничивалось воспитание девушек в дворянских семьях. В свете новых материалов теперь можно сказать, что образование сестрам Гончаровым было дано значительно выше среднего.

Наталья Ивановна воспитывала своих дочерей строго, они должны были беспрекословно повиноваться ей. Иногда она даже будто бы била их по щекам. Дочери ее боялись. Если кого-нибудь из них требовали к матери, девочка долго стояла у дверей, не решаясь войти... Но полагаем, это в основном относилось к старшим сестрам, Екатерине и Александре, которые и в детстве, вероятно, не отличались покорным характером. Впоследствии, как известно, их отношения с матерью часто бывали натянутыми.

Видимо, тесная дружба связывала всех детей Гончаровых. Сохранился детский альбом Ивана Гончарова, в котором среди многих стихотворений друзей и знакомых (в ос-

новном на французском языке) есть и записи сестер.

Александрина пишет 6 ноября 1821 года:

Я тебя люблю.

Это слово стоит целой поэмы,

Потому что оно идет от

самого сердца.¹⁰

Для нас особенно интересны строки, подписанные Наташей Гончаровой. Приведем их в оригинале.

Parconrez sans revers line douce carriere,

Que l'amitie embrasse vos jours,

Et sonvenez vons de l'amitie sincere

Que je vous aie voue pour toujours.

Souvenir de voue Soeur sincere

Nathalie Gontcharoff.

*Le 23 fevrier 1822.*¹¹

Листок разлинован карандашом, чтобы ровно получилось (а потом забыли стереть!), почерк детский. Кто автор стихотворения? Не исключено, что оно написано самой Наташей, с помощью гувернантки.

¹⁰ Перевод с французского.

¹¹ Пройди без невзгод свой жизненный путь, Пусть дружество украсит дни твои, И помни о чистосердечной привязанности, Что я всегда питала к тебе. На память от искренне тебе преданной сестры Натали Гончаровой. 23 февраля 1822 г.

Летом Наталья Ивановна с детьми уезжала за город, в Ярополец или иногда в Полотняный Завод, к деду. Но больше всего ей и детям нравилось бывать в Ильицыне. Это богатое красивое поместье привлекало своим огромным парком, фруктовыми садами и прекрасно налаженным хозяйством. (Мы еще будем говорить о нем в дальнейшем.) Но каждый раз приходилось спрашивать на то разрешения у Афанасия Николаевича. Сохранилось несколько писем из Ильицына девочек Гончаровых к деду. Приведем письмо Натальи Николаевны от 1828 года, ей было тогда шестнадцать лет.

«Любезный Дединька!

Я воспользуюсь сим случаем, дабы осведомиться о вашем здравии и поблагодарить вас за милость, которую вы нам оказали, позволив нам провести лето в Ильицыно.

Я очень жалею, любезный Дединька, что не имею счастья провести с вами несколько времени, подобно Митиньки. Но в надежде скоро вас видеть, целую ваши ручки и остаюсь на всегда ваша покорная внучка

Наталья Гончарова.

Ильицыно, сего 17 июня 1828 года».

Маленькая Таша, видимо, любила заниматься разведением цветов. В 1820 году дед в письме к Дмитрию пишет:

«...Милой Ташиньке по прозбе ее семян разных цветов

посылаю. Рад тому, что она охотница до цветов, так же как и я. Хоть тем веселюсь, что будет кому со временем и за моими цветниками присмотреть».

Афанасий Николаевич посылал детям в Ильицыно и верховых лошадей. Надо сказать, что с детских лет, еще в Полотняном Заводе, сестры Гончаровы под руководством опытного берейтора занимались верховой ездой и впоследствии в Петербурге вызывали всеобщее восхищение «своими талантами в искусстве верховой езды».

Афанасий Николаевич, видимо, все же желая как-то загладить свою вину перед сыном, старается поддержать добрые отношения с внуками. Он посылает им разные небольшие подарки, приглашает иногда к себе. Старшему, Дмитрию, которого готовил к роли наследника гончаровского дела, старик пишет довольно часто и не отказывает иногда даже в присылке значительных сумм «для профессоров и наук». Дед не был силен в русской грамоте, но мысли свои выражает кратко и очень колоритно. Слово «деньги» он всегда пишет с большой буквы – дань особого уважения к его значению! Приведем несколько писем старика к Дмитрию.

«1 ноября 1821 года

Любезный друг Митинька!

На письмо твое скажу тебе, что я требуемые тобой книги «Сочинение Державина и Хераскова» сколько ни старался

искать в библиотеке, но не нашел, да и в каталоге за рукой отца твоего¹² их вовсе нет, а потому, буде они тебе нужны, то приценись в лавках, что то будет стоить и уведошь меня, я тотчас на покупку оных пришлю тебе деньги...

P.S. К пяти вашим милым рожицам не достает у меня Се-режиной рожицы, то не худо бы тем же форматом мне ее доставить в карандаше и одного мастерства, а что будет стоить — я заплачу».

«27 ноября 1821 года

Любезный друг Митинька!

Письмо твое получил и мерачьку к тем пяти портретам, кои я имею, при сем посылаю. Я желаю иметь в карандаше не для того, что дешевле, а потому, что уже пятерых имею и коллекция вся в рамках, то и нужно, чтобы и шестой был им одинакой и той же величины, для чего и Деньги за него 75 при сем тебе вьлагаю. А рамки мне не нада, я зделаю дома одинакою с моими».

«27 декабря 1824 года

Любезной друг Митинька!

По писму тваму требование твое охотно выполняю, и в число тобой просимых 1500 при сем тысячу рублей посылаю. Остальные пришлю после Нового Года, но только с тем

¹² Интересно отметить, что каталог библиотеки в Полотняном Заводе оставлен Николаем Афанасьевичем.

условием: оных Денег не употребляй ни на что, кроме, как сам пинешь, для профессоров и наук».

В 1825 году Дмитрий Гончаров окончил университет «с очень хорошими успехами», как пишет Наталья Ивановна деду, и при содействии все той же тетушки Н. К. Загряжской поступил на службу в Петербургский главный архив Коллегии иностранных дел, который в те времена был заметным культурным центром России.

В кабинете у деда висели в одинаковых рамочках портреты всех шестерых внуков; их можно видеть на фотографии интерьера гончаровского дома в Полотняном Заводе. Полагая, что приводимый нами портрет маленькой Таши из их числа. Иногда у деда гостили поочередно мальчики, приглашал он и всех шестерых одновременно. Но в этом случае Наталья Ивановна не соглашалась отпускать их одних, а сама ехать не хотела.

«...А буде вы в начале июня хотите, – пишет Афанасий Николаевич 15 марта 1824 года Дмитрию и Ивану, – то можете приехать недели на две или на три ко мне сюда на Завод, и с сестрами, одни; кажется к Деду родному нестыдно матушке вашей и без себя внучат отпустить».

Отношения свекра с невесткой были очень натянутыми, думается, в том виноваты обе стороны. Характер Натальи Ивановны был не из легких. Она, конечно, считала Афанасия Николаевича виновником болезни мужа, вряд ли сдер-

живалась в своих высказываниях по этому поводу, и слухи о том доходили до старика Гончарова. Однако материальная зависимость от свекра заставляла ее поддерживать с ним видимость добрых отношений. Но и здесь возникали иногда взаимные упрёки. Наталья Ивановна дважды получала довольно крупные наследства, и дед тогда пытался уменьшить сумму «пенсии», что вызывало резкий протест невестки.

Вот в такой сложной обстановке прошло детство Натальи Николаевны. Арапова пишет, что Наталья Николаевна была «тихая и робкая по природе». Можно только удивляться, как она сохранила чистоту и мягкость своей натуры, но, несомненно, сохранила. Видимо, на «детской половине» царила совсем другая атмосфера: любимая ласковая гувернантка Томсон, братья и сестры, занятия с учителями – все это позволяло забывать на время тяжелый характер матери и болезнь отца и давало возможность предаваться обычным детским радостям и забавам. Вспомним, что Николай Афанасьевич, бывая в детской, улыбался на проказы Таши.

Летние каникулы, особенно в Ильицыне, были прекрасной отдушиной и для детей, и для Натальи Ивановны. Богатое поместье позволяло ей отдыхать от забот и волнений, и она, несомненно, была ласковее с детьми.

Шли годы, и вот наступил период юности Наташи Гончаровой, когда она познакомилась с Александром Сергеевичем Пушкиным. Полюбила его, вышла замуж и навсегда покинула родительский кров.

Встреча с Пушкиным. Замужество

Уже с юных лет Наталья Николаевна поражала своей необыкновенной красотой. Сохранились воспоминания о ней Надежды Михайловны Еропкиной. Дом ее отца славился радушием и гостеприимством. Гончаровы были, видимо, довольно близко знакомы с Еропкинскими. Надежда Михайловна – умная и образованная девушка; в годы юности Натальи Николаевны ей было двадцать лет, она могла хорошо помнить Наташу Гончарову, и ее записки представляют значительный интерес для характеристики будущей жены поэта. Следует также отметить, что Надежда Михайловна являлась двоюродной сестрой друга Пушкина Павла Воиновича Нащокина и встречалась с Пушкиным в 30-е годы в Москве.

Приведем некоторые выдержки из ее воспоминаний.

«Наталья Николаевна сыграла слишком видную роль в жизни Пушкина, чтобы можно было обойти ее молчанием. Многие считают ее даже виновницей преждевременной ею кончины, что, впрочем, совершенно несправедливо... Я хорошо знала Наташу Гончарову, но более дружна была она с сестрой моей Дарьей Михайловной. Натали еще девочкой-подростком отличалась редкой красотой. Вывозить ее стали очень рано, и она всегда живых картинах, поставленных у генерал-губернатора кн. Голицына, и вызывала всеобщее восхищение. Место первой красавицы Москвы осталось

за нею.

Наташа была действительно прекрасна, и я всегда восхищалась ею. Воспитание в деревне на чистом воздухе оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная, ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое движение ее было преисполнено грации. Глаза добрые, веселые, с подзадоривающим огоньком из-под длинных бархатных ресниц. Но покров стыдливой скромности всегда вовремя останавливал слишком резкие порывы. Но главную прелесть Натали составляли отсутствие всякого жеманства и естественность. Большинство считало ее кокеткой, но обвинение это несправедливо.

Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении, помимо ее воли, покоряли ей всех.

– Федька, принеси самовар, – скажет она и так посмотрит, что Федька улыбнется во весь рот, точно рублем его подарили, и опрометью кинется исполнять приказание.

– Мерси, месье, – произнесет она, благодаря кавалера за какую-нибудь услугу, и скажет это совершенно просто, но так мило и с такой очаровательной улыбкой и таким окинет взглядом, что бедный кавалер всю ночь не спит, думает и ищет случая еще раз услышать это «мерси, месье». И таких воздыхателей было у Наташи тьма.

Не ее вина, что все в ней было так удивительно хорошо. Но для меня так и осталось загадкой, откуда обрела Наталья

Николаевна такт и умение держать себя? Всё в ней самой и манера держать себя было проникнуто глубокой порядочностью. Все было «Comme il faut»¹³ – без всякой фальши. И это тем более удивительно, что того же нельзя было сказать о ее родственниках. Сестры были красивы, ко изысканного изящества Наташи напрасно было бы искать в них. Отец слабохарактерный, а под конец и не в своем уме никакого значения в семье не имел. Мать далеко не отличалась хорошим тоном и была частенько пренеприятна. Впрочем, винить ее за это не приходится. Гончаровы были полуразорены, и все заботы по содержанию семьи и спасению остатков состояния падали на нее. Дед Афанасий Николаевич, известный мот, и в старости не отрешался от своих замашек и только осложнял запутанные дела.

Поэтому Наташа Гончарова явилась в этой семье удивительным самородком. Пушкина пленила в ней ее необычайная красота и не менее, вероятно, и прелестная манера держать себя, которую он так ценил».

Гончарова была прекрасна, это бесспорно, но только красивая внешность не привлекла бы поэта. Ее отличало какое-то необыкновенное обаяние, и не случайно тонкий знаток человеческой души Пушкин в посвященном ей стихотворении «Мадонна» называет ее «чистейшей прелести чистейший образец».

Характер у Наташи был от природы мягкий, живой, от-

¹³ Безупречно (*фр.*).

крытый. Нам кажется, в этом она походила на отца. Но она умела сдерживать свои чувства, если это было нужно. По свидетельству Араповой, Наталья Николаевна не любила рассказывать о своем детстве. Слишком тяжела была атмосфера в семье, чтобы можно было говорить о нем, не осуждая деда и родителей.

История взаимоотношений Пушкиных и Гончаровых начинается с того момента, когда Александр Сергеевич в 1828 году впервые увидел прекрасную шестнадцатилетнюю Наташу Гончарову на балу танцмейстера Йогеля в Москве и беззаветно, страстно полюбил ее. Это известно всем. Но мало кто знает, что связи семей Пушкиных и Гончаровых имеют давнюю историю, что предки их были знакомы, а может быть, даже и дружны еще в середине XVIII века! А между тем это так.

В письмах Натальи Николаевны Пушкиной и ее сестер Александры и Екатерины Гончаровых, опубликованных нами в книге «Вокруг Пушкина», неоднократно упоминаются Зарайск и поместье Гончаровых Ильицыно в Зарайском уезде Рязанской губернии. А в «Книге экономических примечаний Зарайского уезда» имеются сведения о том, что в этом уезде были поместья не только Гончаровых, но и Пушкиных!

Есть тому и документальное подтверждение. Так, в письме к П. А. Вяземскому от 2 августа 1837 года он сообщает: «Любезнейший князь Петр Андреевич! Возвратясь из деревни Матвея Михайловича, я нашел письмо ваше...» Не

исключено, что в детстве вместе с отцом ездил к тетке и Александр Сергеевич. Бывал там впоследствии и Александр Александрович, сын поэта, который крестил дочь племянницы зарайского уездного воинского начальника А. А. Марина.

И, наконец, еще один факт, несомненно любопытный. в середине XVII века воеводою в Зарайске был Александр Владимирович Загряжский (1629—1656). Не родственник ли он Александра Артемьевича Загряжского, отца Ивана Александровича, о котором мы уже говорили?

Все эти переплетения семейств Загряжских, Пушкиных и Гончаровых в Зарайском уезде чрезвычайно интересны для пушкиноведения, и мы надеемся, что они будут еще более выявлены и найдут свое отражение в биографии Пушкина.

Впервые Пушкины появляются здесь еще в 1690 году, когда Петр Петрович Пушкин поменял свои ярославские земли на зарайские. В XVIII веке в «Книге...» значится владельцем поместий Латыгори, Ананьино Пустошь, сел Саблино и Лобково и многих других Лев Александрович Пушкин, дед поэта (1723—1790). Более того, в *совместном* владении Льва Александровича и прапрадеда Натальи Николаевны Афанасия Абрамовича Гончарова (1699—1784) были зарайские деревни Латыгори и Чернятина Пустошь.

А по соседству с гончаровским поместьем Ильицыно находились земли Матвея Михайловича Солнцева, мужа Елизаветы Львовны (урожд. Пушкиной), родной тетки Алек-

сандра Сергеевича! Не получила ли она его в приданое от отца?.. Нет сомнения, что и эти семьи общались: имение Солнцовых Плуталово было всего в двух верстах от гончаровского Ильицына.

Всего в Зарайском уезде Пушкиным и Гончаровым принадлежала одна десятая всех его земель! Вот к каким далеким временам относятся, видимо, близкие отношения Пушкиных и Гончаровых. По устным зарайским преданиям, Сергей Львович Пушкин не раз гостил у сестры Елизаветы Львовны в Плуталове.

По шутливому признанию самого поэта, Гончарова была его сто тринадцатая любовь. Но те увлечения, те порывы страстей, которые волновали его в молодости, не были еще той любовью, что на склоне короткой его жизни одарила его судьба. Всеобъемлющее чувство Пушкина к Наталье Николаевне пришло к нему на рубеже нового периода его жизни. Отошла в прошлое бурно прожитая молодость, настала пора зрелости. Жажда личного семейного счастья, стремление любить и быть любимым – вот какие чувства владели им в эти годы. Пушкин не знал до тех пор настоящей семейной жизни. Нерадостное детство, юность, проведенная в казенных стенах Лицея, годы ссылки, потом кочевая жизнь то в Москве, то в Петербурге, номера гостиниц – и никогда своего дома...

Пушкин встретил Натали Гончарову в декабре 1828 года.

«Когда я увидел ее в первый раз, – писал он позднее Наталья Ивановне, – красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась». Уже в конце апреля 1829 года Пушкин делает предложение через Толстого Американца. Ответ матери неопределенен: и не согласие, и вместе с тем не отказ – дочь еще слишком молода.

«На коленях, проливая слезы благодарности, должен был бы я писать вам теперь, после того как граф Толстой передал мне ваш ответ: этот ответ – не отказ, вы позволяете мне надеяться. Не обвиняйте меня в неблагодарности, если я все еще ропщу, если к чувству счастья примешиваются еще печаль и горечь; мне понятна осторожность и нежная заботливость матери! – Но извините нетерпение сердца больного и опьяненного счастьем. Я сейчас уезжаю и в глубине своей души увожу образ небесного существа, обязанного вам жизнью...» – писал Пушкин Наталье Ивановне 1 мая 1829 года.

Куда же и почему уехал поэт? Об этом мы узнаем из более позднего его письма.

«Ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума, в ту же ночь я уехал в армию; вы спросите меня – зачем? Клянусь вам, не знаю, но какая то непроизвольная тоска гнала меня из Москвы; я бы не мог вынести ни вашего, ни ее присутствия. Я вам писал; надеялся, ждал ответа – он не приходил. Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва

о них, к несчастью, широко распространилась. Вы могли ей поверить; я не смел жаловаться на это, но приходил в отчаяние» (5 апреля 1830 года).

Пушкин лишь на минуту поверил в то, что ответ Натальи Ивановны не лишает его надежды, но тотчас же эта надежда сменилась отчаянием, и он уезжает на Кавказ в действующую армию генерала Паскевича, где тогда шла война с Турцией¹⁴. Не получая ответа от матери любимой девушки, он искал забвения в сильных ощущениях, бросался в гущу сражений, быть может, искал смерти... В конце концов Паскевич, не желая брать на себя ответственность, предложил ему вернуться в Россию. Перед отъездом Пушкин нанес визит генералу, который подарил ему турецкую саблю с надписью на клинке: «Арзрум, 18 июля 1829 года».

Но поэт не решался прямо поехать в Москву; он пробыл некоторое время в Тифлисе, на Северном Кавказе, и только в конце сентября вернулся в Москву. И здесь его мрачные предчувствия оправдались: он встретил холодный прием у Гончаровых.

«Сколько мук ожидало меня по возвращении, – писал Пушкин в том же письме от 5 апреля. – Ваше молчание, Ваша холодность, тот рассеянный и невнимательный вид, с которым встретила меня м-ль Натали... У меня не хватало мужества объясниться, – и я уехал в Петербург в полном отчаянии».

¹⁴ Эта поездка описана Пушкиным в «Путешествии в Арзрум».

Пушкин говорит, что ему «понятна осторожность и нежная заботливость матери». Как мы видим, Наталья Ивановна сдержанно встретила его предложение, но, однако, не ответила окончательным отказом. Она колебалась. Слухи и сплетни об образе жизни Пушкина, о его картежной игре, атеистических взглядах (что, несомненно, вызывало враждебное отношение религиозной Натальи Ивановны) доходили, конечно, до нее.

Сергей Николаевич Гончаров рассказывал, что «с Натальей Ивановной у Пушкина бывали частые размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявлениях благочестия и об императоре Александре Павловиче, а у Натальи Ивановны была особая молельня со множеством образов, и про покойного государя она выражалась не иначе как с благоговением».

В особенности, вероятно, пугала ее политическая неблагонадежность поэта: недовольство правительства его произведениями, обличавшими деспотизм и крепостничество. Не могло ее не беспокоить, конечно, и материальное положение жениха: он был беден. Прекрасно понимая, как необыкновенно красива Натали, мать, вероятно, считала, что ее младшая дочь может сделать блестящую партию, выйти замуж за богатого человека. Подобный брак мог бы поправить дела Гончаровых.

Эти причины, мы полагаем, и послужили основанием для холодного приема поэта по возвращении с Кавказа. А Ната-

ли? Чем объяснить ее «рассеянность и безразличие»? Думаем, что ее поведение диктовалось матерью, запретившей ей подавать надежду Пушкину.

Но весной 1830 года он неожиданно получает через знакомого, приехавшего из Москвы, привет от Гончаровых. Увидев в этом завуалированное приглашение вернуться, поэт, как на крыльях, полетел в Москву. В начале апреля он сделал предложение вторично, и на этот раз оно было принято.

В одной из черновых тетрадей Пушкина есть отрывок без заглавия, только с надписью сверху: «с французского». Все исследователи сходятся на том, что отрывок автобиографичен, и с этим можно согласиться. Не желая доверять свои чувства постороннему, Пушкин написал «с французского» и заменил имя любимой девушки.

«Участь моя решена. Я женюсь. Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством, боже мой – она... почти моя. Ожидание решительного ответа было самым болезненным чувством жизни моей... Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края, – и уже воображал себя на пироскафе¹⁵...

В эту минуту подали мне записку: ответ на мое письмо. Отец невесты моей ласково звал меня к себе... Нет сомнения, предложение мое принято. Надинька, мой ангел, – она моя!.. Все печальные сомнения исчезли перед этой райской

¹⁵ Пироскаф – первоначальное название парохода (с греч.).

мыслью. Бросаюсь в карету, скачу – вот их дом... Отец и мать сидели в гостиной. Первый встретил меня с отверстными объятиями. Он вынул из кармана платок, он хотел заплакать, но не мог и решился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Надиньку – она вошла бледная, неловкая. Отец вышел и вынес образа... Нас благословили».

Почему такая перемена, почему Наталья Ивановна, наконец, решилась дать согласие на этот брак? Полагаем, что во время отсутствия Пушкина Наталья Николаевна сумела побороть сопротивление матери и, если судить по приведенному отрывку «Участь моя решена», при содействии Николая Афанасьевича. Безграничная любовь Александра Сергеевича к его дочери тронула отцовское сердце, понял он, что и она полюбила поэта, и сделал все возможное, чтобы убедить Наталью Ивановну не мешать их счастью.

Знакомая Гончаровых Н. П. Озерова писала: «Утверждают, что Гончарова-мать сильно противилась браку своей дочери, но что молодая девушка ее склонила. Она кажется очень увлеченной своим женихом».

Пушкину в период сватовства казалось, что он, «потомок негров безобразный», как говорил он о себе, не может понравиться молодой девушке. Его мучили сомнения: будет ли с ним счастлива юная красавица, не пожалеет ли она когда-нибудь, что вышла за него замуж, не сделала ли бы лучшей партии.

Мнения современников о внешности Пушкина противо-

речивы. Они зависят от личности говорящего, от его отношения к поэту. Черты лица Пушкина не были красивыми в общепринятом смысле, но необыкновенная одухотворенность лица и сильные чувства, переживаемые им, делали его прекрасным. Особенно хороши были, по словам его родственника М. В. Юзефовича, глаза поэта – великолепные, большие, ясные, «в которых, казалось, отражалось все прекрасное в природе». Ослепительная белозубая улыбка и вьющиеся каштановые волосы дополняли его привлекательную внешность. Когда Пушкин хотел понравиться женщине, он был обаятелен. И мы знаем, как много женщин – и каких! – увлекались поэтом. Что же удивительного в том, что увлеклась им и Наташа Гончарова. И не только увлеклась, а полюбила глубоко за его прекрасную душу, за необыкновенную доброту, столь свойственную и ей самой.

Нет сомнения также, что сестры Гончаровы с восторгом читали «Евгения Онегина», стихи и прозу Пушкина, и Наташа не могла не гордиться тем, что первый поэт России именно ее выбрал себе в жены... И Наталья Николаевна отнеслась к браку со всей серьезностью. Впоследствии она писала:

«...Можно быть счастливой и не будучи замужем, конечно, но что бы ни говорили – это значило бы пройти мимо своего призвания». «...Замужество прежде всего не так легко делается, и потом – нельзя смотреть на него как на забаву и связывать его с мыслью о свободе... это серьезная обязанность и надо делать свой выбор в высшей степени рассуди-

тельно. Союз двух сердец – это величайшее счастье на земле». И это действительно был союз двух сердец, основанный на взаимной глубокой любви.

О всех своих намерениях и поступках поэт, бывший под негласным надзором, был обязан ставить в известность Николая I и получать «всемилоостивейшее» разрешение. Пушкин пишет Бенкендорфу, через которого шла его «переписка» с царем. Стремясь окончательно побороть сопротивление будущей тещи, он поставил также вопрос и о своем «сомнительном положении» по отношению к властям. Надо думать, сделал это скрепя сердце. В конце письма Пушкин запросил разрешения напечатать запрещенную в свое время Николаем I трагедию «Борис Годунов».

«...Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую вы, вероятно, видели в Москве, – читаем мы в письме к Бенкендорфу от 16 апреля 1830 года. – Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства. Что касается состояния, то я мог ответить, что оно достаточно, благодаря его величеству, который дал мне возможность достойно жить своим трудом. Относительно же моего положения, я не мог скрыть, что оно ложно и сомнительно... Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя... Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную предан-

ность и благодарность...»

Ответ Бенкендорфа не замедлил последовать:

«Милостивый государь.

Я имел счастье представить государю письмо от 16-го сего месяца, которое Вам угодно было написать мне. Его императорское величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей Вашей женитьбе и при этом изволил выразить надежду, что Вы хорошо испытали себя перед тем как предпринять этот шаг, и в своем сердце и характере нашли качества, необходимые для того, чтобы составить счастье женщины, особенно женщины столь достойной и привлекательной, как м-ль Гончарова.

Что же касается Вашего личного положения, в которое Вы поставлены правительством, я могу лишь повторить то, что говорил Вам много раз; я нахожу, что оно всецело соответствует Вашим интересам; в нем не может быть ничего ложного и сомнительного, если только Вы сами не сделаете его таким. Его императорское величество в отеческом о Вас, милостивый государь, попечении соизволил поручить мне, генералу Бенкендорфу, – не шефу жандармов, а лицу, коего он удостоивает своим доверием, – наблюдать за Вами и наставлять Вас своими советами; никогда никакой полиции не давалось распоряжения иметь за Вами надзор. Советы, которые я, как друг, изредка давал Вам, могли пойти Вам лишь на пользу, и я надеюсь, что с течением времени Вы в этом

будете все более и более убеждаться. Какая же тень падает на Вас в этом отношении? Я уполномочиваю Вас, милостивый государь, показать это письмо всем, кому Вы найдете нужным.

Что же касается трагедии Вашей о Годунове, то его императорское величество разрешает Вам напечатать ее за Вашей личной ответственностью.

В заключение примите мои искреннейшие пожелания в смысле будущего Вашего счастья, и верьте моим лучшим к Вам чувствам.

Преданный Вам

А. Бенкендорф.

28 апреля 1830».

Письмо это, по-видимому, было рассчитано главным образом на Наталью Ивановну. Оно не снимало, как мы видим, надзор за Пушкиным: Бенкендорф говорит, что и в дальнейшем он будет «наблюдать» за поэтом и «наставлять» его своими советами. Упоминание о полиции в высшей степени бестактно, а главное, что это ложь, так как надзор за поэтом никогда не снимался. Но «благосклонное удовлетворение» императора позволяло Пушкину заключить этот брак.

Мы не знаем, как восприняла Наталья Ивановна это письмо, полагаем, что оно не слишком уверило ее в благонадежности будущего зятя, но «высочайшее» разрешение на женитьбу исключало какие-либо колебания, да и было уже

поздно взять данное слово обратно, не повредив репутации Натали. Однако все последующее поведение Наталии Ивановны говорит о том, как недоброжелательно относилась она к Пушкину в течение всего времени затянувшегося жениховства.

А до свадьбы было еще далеко.

Получив согласие Натали и Наталии Ивановны, Пушкин пишет родителям, извещая их о своей женитьбе. Сохранилось черновое письмо к ним, предположительно датированное 6—11 апреля 1830 года. Вот это письмо¹⁶, а также ответ Сергея Львовича и Надежды Осиповны.

«Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь. Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год – м-ль Натали Гончаровой. Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери. Прошу Вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия – и да будет вторая половина моего существования более для Вас утешительна, чем моя печальная молодость. Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра. Это является единственным препятствием моему счастью. У меня нет сил даже и помыслить от него отказаться. Мне гораздо легче надеяться на то, что Вы придете мне на помощь. За-

¹⁶ Письмо-черновик.

клинаяю вас, напишите мне, что вы можете сделать для (...)».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.